

Птицы уже спариваются и многія уже заняты семейными заботами по устройству гнѣздъ; многія уже сидятъ на лицахъ, а сойка успѣла вывести и молодыхъ, которые, не имѣя еще хвостовъ, имѣютъ странный видъ.

На пескахъ стали попадаться жуки и преслѣдующія ихъ ящерицы Eremias и Phrynocephalus. На Андерѣ и Яръ-тонгусѣ я видалъ и большую Stelio, которая чувствуетъ себя здѣсь такъ же хорошо, какъ и въ трещинахъ древнихъ пирамидъ въ Египтѣ. По приближеніи къ Ніи, замѣтно большое развитіе зелени и вообще весенней жизни; даже лягушки здѣсь какъ-то смѣлѣе собираются въ большие хоры, оглашающіе своими концертами тихія весенняя ночи.

Въ самой Ніи я засталъ весну въ полномъ разгарѣ. Деревья уже всѣ зазеленѣли; фруктовыя же уже отцвѣли, только персики и яблоки сохранили еще свои нѣжные букеты душистыхъ цвѣтовъ.

Я принялъ пополнить гербарій.

Эта моя поѣзда дала 700 верстъ маршрутно-глазомърной съемки въ 10-ти верстномъ масштабѣ, соединившей Нію и Черченъ новой, ни кѣмъ еще не пройденной дорогой. Затѣмъ она сокращена новыми же путами Черченъ съ уроцищемъ Кузюкъ-какты, откуда экспедиція покойнаго Н. М. Пржевальского повернула зимою 1884 г. обратно къ Лобъ-нору. Отъ уроцища Кузюкъ-какты подножіемъ не пройденного еще Токузъ-дабана проложена съемка до Ачана и отъ Ачана тоже новымъ путемъ до Черчена. Обслѣдованіе Черченъ-дары даетъ возможность учредить на ней удобный складъ, а съемка и множество распросныхъ свѣдѣній — возвратиться изъ Тибета къ Лобъ-нору, найденными новыми путями, черезъ вновь открытый изъ Тибета проходъ. Нѣсколько географическихъ пунктовъ определены астрономически и многихъ — высоты. 46 дней веденъ метеорологическій дневникъ, собраны небольшія естественно-историческая и геологическая коллекціи. Вотъ всѣ тѣ скромные результаты моей 48-ми дневной поѣздки.

Въ мое отсутствіе прїѣжалъ къ намъ въ Нію Б. Л. Громбчевскій, пробылъ нѣсколько дней и поѣхалъ отъ насъ въ Полу. Оттуда онъ намѣревается попасть въ сѣверо-западный Тибетъ. Подавай Богъ ему успѣха! Я очень сожалѣю, что не пришлось съ нимъ повидаться. Мы трогаемся въ Тибетъ 24-го апрѣля.

ВѢСТИ ОБЪ ЭКСПЕДИЦІИ Б. Л. ГРОМБЧЕВСКАГО.

(Изъ писемъ къ вице-предѣдателю И. Р. Г. О.)

Уроцище Сунгуль 16-го января 1890 г.

Отправивъ къ Вамъ письмо отъ 20 декабря, мы направились вверхъ по течению рѣки Кара-Кошъ, желая проѣхать черезъ высокое Тибетское плато къ Полу.

23-го декабря мы подошли къ уроц. Абду-Гафаръ-Тамъ, выше которого ущелье рѣки Кара-Кошъ поворачиваетъ весьма круто на юго-западъ; намъ же предстояло идти дальше на востокъ. На уроцищѣ этомъ мы нашли незначительное количество подножнаго коры, а также послѣдніе ползучіе кустарники тамарикаса (юлгунъ), составляющаго единственное тоцливо.

Рѣка Кара-кошъ на протяженіи отъ Шахидулла-Ходжа до уроцища Абду-Гафаръ-Тамъ, течеть широкимъ русломъ, мѣстами достигающимъ до 2-хъ верстъ въ ширину. Горы, окружающія ущелье мягки, но совершенно безжизненны. Горы съверного склона ущелья высоки, съ вершинами покрытыми снѣгомъ и небольшими ледниками. Въ хребтѣ этомъ рѣзко выдѣляется высокая, скалистая, вѣчно снѣженая, съ громадными ледниками группа Сунгуль, черезъ которую пролегаетъ перевалъ Гинь-ташъ, ведущій на истоки р. Чишнія, праваго притока Кара-коша. Горы южнаго склона ущелья мягки, безснѣжны и замѣтно понижаются по мѣрѣ движенія къ востоку. Рѣка все время течетъ почти прямо съ востока на западъ. На отмеляхъ каменистаго русла рѣки встрѣчаются обширныя заросли тамарикаса и небольшія травянистые площади, на которыхъ пасутся стада кулановъ, дикихъ барановъ (папай) и козъ; здѣсь же изрѣдка попадаются и дикие яки.

Проведя канунъ Рождества и первый день праздника на уро-
чищѣ Абду-Гафаръ-Тамъ, мы двинулись 26-го декабря дальше и
поднялись на высокое Тибетское нагорье. Погода стояла морозная,
но ясная; термометръ днемъ повышался до -12°C ., а ночью падалъ
до $-28 - 32^{\circ}\text{C}$. Холодъ былъ бы сносенъ, еслибы не жестокіе вѣт-
ры, отъ которыхъ негдѣ было укрыться и нечѣмъ прикрыться, при
отсутствіи, вдобавокъ, топлива. Посѣщенная мною часть Тибет-
скаго нагорья представляетъ рядъ широкихъ, но не глубокихъ
долинъ и котловинъ. Горы, окружающія эти ложбини, мягки и
не высоки; почва песчаная или изъ крупнаго гравія. Въ котлови-
нахъ — озера верстъ до 7 въ окружности. Растительность встрѣ-
чается весьма рѣдко, въ видѣ крошечныхъ площадокъ желтой
травы, растущей отдельными кустиками на разстояніи $\frac{1}{4}$ и больше
аршина другъ отъ друга, да и то — въ глубокихъ складкахъ уще-
лій, гдѣ изрѣдка попадаетъ влага отъ лѣтнихъ дождей и тающаго
снѣга. Кромѣ того кое-гдѣ попадались чахлыя поросли „терскѣна“
съ еле показывающейся изъ песку головою и глубоко сидящими
корнями. Растеніе это, вмѣстѣ съ пометомъ дикихъ яковъ, служить
единственнымъ топливомъ. Абсолютная высота мѣстности превышала
17.000 ф. Вѣтеръ подымалъ облака солонцеватой пыли, которая
набивалась повсюду, попадала въ растрескавшуюся отъ холода кожу
на лицѣ и рукахъ, производя гнойныя, болѣзненные раны. Не
меньше страдали и глаза наши. Животную жизнь этой мѣстности
составляютъ яки, куланы и бараны съ шерстью краснаго цвѣта,
извѣстные у туземцевъ подъ именемъ „юрга“ (иноходецъ). Чѣмъ
питаются неприхотливые обитатели этой мѣстности — единъ Богъ
вѣдаеть; повидимому, они пробѣгаютъ значительныя разстоянія отъ
одной площадки съ травою къ другой, а вмѣсто воды удовлетво-
ряются снѣгомъ. Изъ птицъ видѣль только крупныхъ вороновъ. Въ
общемъ, это пустыня — тяжелая лѣтомъ и наводящая ужасъ зимою.

Перерѣзъ три невысокихъ гряды горъ, мы, 28-го декабря,
поздно вечеромъ, подошли къ мощному основному хребту, раздѣляю-
щему бассейны рѣкъ Кара-Кошъ и Юрунгъ-Кошъ. Въ теченіи трехъ
переходовъ мы не встрѣтили ни капли воды. Останавливались на
ночлеги у родниковъ, вымерзшихъ до основанія; для чая брали
ледъ изъ родниковъ, но лошади и порціонный скотъ изнемогали
отъ жажды и жадно лизали ледъ. Я зналъ, что на пути мы не
встрѣтимъ подножнаго корму, что топлива еле хватить для того,
чтобы согрѣться чаемъ, и запасся ячменемъ, готовымъ хлѣбомъ и
варенымъ мясомъ. Отсутствіе воды было непредвидѣннымъ и же-

стокимъ ударомъ. Лошади послѣдній разъ напоены были 25-го де-
кабря и, томимыя жаждою, не Ѳли ячменя. Силы выночныхъ жи-
вотныхъ падали быстро и замѣтно.

29-го декабря мы перевалили черезъ очень высокій перевалъ и
спустились въ бассейнъ р. Юрунгъ-Кошъ. Горный хребетъ, раздѣ-
ляющій обѣ рѣки, названъ мною Юрунгъ-Кошскимъ, а перевалъ —
Русскимъ. Перевалъ не особенно трудный, но очень высокій. Гипсо-
термометръ показывалъ на 20 дѣленій ниже предѣльной точки
 82° . Стрѣлка анероида безпомощно уперлась въ 0. Перевалъ этотъ
случайно открылъ въ нынѣшнемъ году нашимъ проводникомъ,
разорившимся золотопромышленникомъ и неизвѣстенъ даже жите-
лямъ Сарыкіи. Подойдя къ ночлегу, мы съ ужасомъ замѣтили, что
родникъ, на который возлагались всѣ наши упованія — вымеръ до
основанія. Оставаться здѣсь — значило уложить всѣхъ лошадей. По
рассказу проводника, ниже по теченію замерзшей рѣки долженъ
быть горячій ключъ, въ которомъ вода не могла вымерзти.
Въ поискахъ за водою мы направились внизъ по ущелью и къ 1 ч.
въ действительности достигли источника, потерявъ на этомъ пере-
ходѣ 6 лошадей, т. е. $\frac{1}{5}$ части всѣхъ лошадей экспедиціи. Вода
въ роднике оказалась солено-горькою и лошади пили ее съ види-
мымъ отвращеніемъ.

30-го декабря я остался на уроцишѣ Горячие-Ключи. Погода
рѣзко измѣнилась. Необыкновенно сильный вѣтеръ нагналъ массу
тучъ, покрывшихъ весь небосклонъ. Въ полдень показалось солн-
ышко и я послѣшилъ опредѣлить широту мѣста.

Положеніе экспедиціи было критическое: мы находились ровно
на половинѣ пути къ Полу, но впереди предстояло перевалить два
высокихъ перевала и плато, отдѣляющее истоки р. Керія отъ
р. Юрунгъ-Кошъ. Осмотръ лошадей убѣдилъ меня, что 4-хъ суточ-
ное усиленное движение по безводной мѣстности доканало лошадей.
Самая сильная и надежная лошади стояли, понуривъ головы и
не Ѳли ячменя, остальные лежали въ лежку.

Видя тяжелое положеніе экспедиціи, я изложилъ товарищамъ
положеніе дѣла и предложилъ большинствомъ голосовъ рѣшить:
идти ли впередъ или возвращаться назадъ. Къ чести моихъ спут-
никовъ, всѣ высказались за движение впередъ во что-бы ни стало;
проводникъ только сдѣлалъ оговорку что добраться до Полу можно
будетъ лишь въ случаѣ, если погода прояснится; въ случаѣ же
снѣжной матери онъ отказывался разыскать дорогу, да кромѣ того
немыслимо было добыть топлива изъ-подъ снѣга.

Къ вечеру сдохло еще двѣ лошади и мы уже не могли поднять своихъ выюковъ. Къ ночи поднялась мятель, снѣгъ валилъ хлопьями, а вѣтеръ принялъ силу урагана. На разсвѣтѣ 31-го декабря я приказалъ облегчить выюки до послѣдней крайности и отдалъ приказъ двигаться обратно. Мятель приняла бѣшеные размѣры и мы съ невѣроятными лишеніями добрались до подножья перевала. Идти дальше было немыслимо вслѣдствіе встрѣчнаго урагана, подымающаго тучи песку, мелкаго щебня и т. д. Такого сильнаго штурма я, кажется, въ жизни не видѣлъ. Вечеромъ термометръ упалъ до -27°C . при вѣтрѣ, пронизывающемъ насквозь. Палатка еле сдерживалась арканами, вздрогивая подъ ударами жестокаго вѣтра. Мы сбились все въ кучу въ одной уцѣльвшей палаткѣ, стараясь согрѣться собственнымъ дыханіемъ. По разсчету, до вершины перевала оставалось около 14 верстъ и, считая по $2\frac{1}{2}$ версты въ часъ, намъ необходимо было около 6 часовъ, чтобы перевалить на ту сторону.

Ровно въ 12 часовъ ночи, въ моментъ начала Нового года, мы поднялись съ мяста, уложили все выюки экспедиціи на горкѣ, придавили кошмами, завалили сверху камнями и бросивъ еще двухъ лошадей, замерзшихъ ночью, потянулись къ перевалу. Число лошадей экспедиціи, въ теченіи двухъ послѣднихъ дней, уменьшилось на одну треть. Мы взяли съ собою только дневники, съемки и бумаги, серебро, небольшое количество патроновъ и запасы продовольствія на 6 сутокъ. Въ моментъ отѣзда термометръ показывалъ -33°C , вѣтеръ былъ необыкновенно сильный, но дуль порывами и, по мѣрѣ подъема къ верху, замѣтно утихалъ. Въ $6\frac{1}{2}$ ч. у. я взобрался на перевалъ, слѣзъ съ лошади и началъ поджидать растянувшихся товарищев. Начало свѣтать, а съ разсвѣтомъ усиливался вѣтеръ. Въ 7 часовъ утра взошли на вершину перевала послѣдними казакъ Матвѣевъ и джигитъ Тюря-Кулъ. Вѣтеръ дуль уже съ необыкновенною силою. Должно-быть морозъ былъ жестокій, потому что холодъ былъ, поистинѣ, нестерпимый. Къ $8\frac{1}{2}$ ч. у. мы были уже у подножья того склона перевала, всѣ живы и здоровы. Тутъ я поздравилъ людей съ праздничкомъ. Мышли цѣлый день до поздней ночи и спустились настолько низко, что преслѣдовавшій насъ буранъ казался не страшнымъ.

Только 4-го января мы дошли до топлива по руслу р. Кара-Кошъ. Я отправилъ впередъ одного изъ джигитовъ къ мястнымъ киргизамъ съ просьбою выставить юрты и доставить продовольствіе. Просьба эта была выполнена съ полною готовностью и на слѣдующій день

мы уже грѣлись у костровъ, разложенныхъ внутри юртъ. Теперь здоровье всѣхъ людей экспедиції въ отмѣнномъ видѣ, но всѣ сильно похудѣли, выглядятъ бѣдно, да всѣ мы какъ будто выспаться не можемъ: цѣлый день ко сну клонитъ. Лошади же прошли всѣ безъ исключенія; больше половины пало, а уцѣльвшія для службы не годятся.

Я пытался было напасть 10 верблюдовъ и на нихъ пройти въ Полу прямымъ путемъ, т. е. докончить начатое черезъ Русскій перевалъ обслѣдованіе прямой дороги въ Полу. Дорога эта интересна потому, что пролегаетъ, начиная отъ Горячихъ Ключей до перевала Калля-Кумъ, по золотымъ пріискамъ, разработка которыхъ едва ли извѣстна и китайцамъ¹⁾. Но киргизы безусловно не согласились дать верблюдовъ, а купить не хватаетъ средствъ.

Вчера поднялся на перевалъ Гинду-Ташъ, намѣреваясь спуститься въ горную общину Пишнія и пройти въ Карангытакъ по сѣвернымъ склонамъ Хотанскаго и Керійскаго хребтовъ. Экскурсія не удалась вслѣдствіе того, что дорога пролегаетъ по леднику, давшему трещины, которая преградили дальнѣйшій путь. Теперь придется идти въ Кильянъ.

Полу, 25 апрѣля 1890 г.

24 января мы подошли къ Шахидулла-ходжа. Отъ Шахидулла-Ходжи я предполагалъ было спуститься въ Хотанъ по льду рѣки Кара-кошъ, но произведеніемъ рекогносцировкою выяснилось, что ниже уроч. Галымулякъ рѣка Кара-Кошъ поворачиваетъ на сѣверъ и, прорываясь сквозь Куэнъ-люнъ, течетъ на протяженіи двухъ дней хода въ узкомъ ущельѣ съ отвесными стѣнами, ширина котораго мястами не превышаетъ 4—5 сажень;—въ одной изъ такихъ тѣснинъ (при устьѣ р. Люши) рѣка не замерзла на протяженіи нѣсколькихъ сажень и движение по льду невозможно. Въ виду выше изложенного мы направились на перевалъ Кильянгъ (17 т. ф.); 1-го февраля благополучно, хотя съ большимъ трудомъ перевалили черезъ этотъ перевалъ, а 4-го спустились въ селеніе Кильянгъ, гдѣ въ первый разъ послѣ $8\frac{1}{2}$ мясяцевъ расположились подъ крышею.

Положеніе экспедиції въ Кильянгѣ было по истинѣ плачевное: денежные средства наши окончательно изсѣкли; изъ лошадей мы довели только 8 и то для дальнѣйшей дороги не годныхъ, снаряженіе

¹⁾ У Горячихъ Ключей осмотрѣно мною два золотыхъ пріиска.
извѣстия и. Р. Г. О.—Т. XXVI.

экспедицией частью было сожжено или брошено, частью же въ тече-
ние 9-месячного похода пришло въ совершенную негодность. Сло-
вомъ казалось, что жизнь экспедиции закончена и что намъ остается
благодарить Бога, если кое-какъ доплетемся до Маргелана. Нѣтъ
сомнѣнія, что этимъ бы работы наши и закончились, еслибы не го-
рячее содѣйствіе и сердечное сочувство управляющаго Россійскимъ
консульствомъ въ Кашгарѣ Я. Я. Лютша, благодаря которому мы
кое-какъ снарядились и вновь двинулись на востокъ, предполагая
по предгорямъ, вдоль сѣверныхъ склоновъ Куэнъ-люня, пройти въ
Полу и оттуда еще разъ подняться на тибетское плато, чтобы свя-
заться со съемкою отъ 30-го декабря.

Путь нашъ отъ селенія Кильянга шелъ¹⁾ на оазисы: Кара-су,
Санджу, Пуски и Дуа, откуда мы вышли на селеніе Пуджія по р.
Кара-Кошъ, находящееся верстахъ въ 50 къ юго-западу отъ Хотана.
Изъ сел. Пуджія я предполагалъ подняться въ сел. Карапуг-тагъ и
далѣше въ Полу, но, узнавъ отъ мѣстной китайской администраціи,
что экспедиція М. В. Шевцова зимуетъ въ Ніи, а одинъ изъ чле-
новъ экспедиціи находится въ это время въ Хотанѣ, измѣнилъ
предположенный маршрутъ и внизъ по р. Кара-кошъ спустился въ
Хотанъ, гдѣ и встрѣтился съ К. И. Богдановичемъ.

Необходимость провѣрить инструменты, сильно пострадавшіе во
время продолжительного путешествія по горамъ и желаніе повидаться
съ М. В. Шевцовымъ, чтобы условиться относительно района дѣй-
ствія въ Тибетѣ, заставили меня черезъ оазисы Чира и Керія на-
правиться въ Нію.

Въ Ніи я прожилъ недѣлю, пользуясь радушіемъ, гостепріим-
ствомъ и сердечнымъ сочувствіемъ всѣхъ членовъ экспедиціи. За
это время М. В. Шевцовъ взялъ на себя трудъ вывѣрить всѣ мои
инструменты и хронометры и занесъ соотвѣтствующія поправки въ
дневники. Я же пристроился къ астрономическому пункту тибет-
ской экспедиціи въ Ніи и Керіи, вслѣдствія чего и мои работы
получили болѣе устойчивости.

Изъ Ніи я выступилъ 15-го марта въ Соургакъ и осмотрѣлъ
мѣстные золотые пріиски. Во время моего посѣщенія здѣсь работало
около 3 т. семействъ. На мѣстѣ разработокъ возникъ небольшой
поселокъ, при самыхъ невозможныхъ условіяхъ для сколько нибудь
сноснаго существованія. Рабочіе преимущественно живутъ въ лѣс-

¹⁾ Верстахъ въ 50 къ югу отъ большой дороги Каргалыкъ-Гума-Хотанъ;
путь этотъ тянется почти паралельно вышеизвѣсанной дорогѣ.

совыхъ и конгломератныхъ пещерахъ, и только немногочисленные
торговцы и китайцы, промышляющіе ростовщичествомъ, устроились
нѣсколько комфорктабельнѣе въ крошечныхъ домикахъ изъ камы-
шевыхъ плетенокъ. Золото наносное, и добывается исключительно
въ старыхъ руслахъ рѣчекъ предгорія праваго берега р. Нія,
въ поясѣ длиною верстъ на 50 и шириной верстъ на 30. Добыча
золота трудная, такъ какъ золотоносный песокъ залегаетъ на глубинѣ
до 120 и больше аршинъ подъ поверхностью земли. Для до-
бычи прорывается сначала вертикальная скважина шириной около
2 кв. аршинъ; надъ скважиной устроенъ обыкновенный воротъ,
при помощи которого золотоносный песокъ добывается въ мѣшкахъ
на поверхность земли. За отсутствіемъ воды, золото изъ песку до-
бывается провѣтриваніемъ. По разсказу проводниковъ и рабочихъ,
въ прежнее, время здѣсь попадались самородки въсомъ до 3-хъ фун-
товъ, теперь же въ осмотрѣнныхъ мною нѣсколькихъ десяткахъ шахтъ
золото попадается въ видѣ тоненькихъ, крошечныхъ пластинокъ¹⁾.
Жизнь въ Соургакѣ дорога, такъ какъ не только жизненные про-
дукты, но и топливо доставляются изъ Ніи и Керіи, а вода при-
возится на ослахъ за нѣсколько верстъ отъ поселка и продается
ведрами за деньги.

Изъ Соургака я направился въ Полу, придерживаясь возможно
ближе къ основному хребту и перерѣзывъ рядъ переваловъ, высо-
тою 10—11 т. фут., при чемъ посѣтилъ много небольшихъ посе-
леній „тогликовъ“ занятыхъ овцеводствомъ и отчасти земледѣліемъ.
На протокахъ рѣчки Люши (праваго притока р. Керіи) осмотрѣны
мною залежи нефрита и взяты образцы. По дорогѣ въ Полу отрядъ
нашъ постигла оспа. Первымъ заболѣлъ товарищъ мой по Канджут-
скому путешествію Мирза-Фазылъ-Бекъ и былъ оставленъ, поэтому,
въ горахъ на попеченіи пастуховъ. За тѣмъ былъ еще случай за-
болѣванія, но принятymi мною энергическими мѣрами для полнаго
изолированія больного, кажется, удалось спасти остальныхъ членовъ
отъ этой непріятной болѣзни. Въ настоящее время оба больные
выздоровѣли и вернулись къ экспедиціи.

Въ Полу экспедиція пришла въ послѣдніхъ числахъ марта и
здѣсь я получилъ телеграму Вашу съ извѣщеніемъ, что успѣхъ
ходатайства о продлѣніи камандировкі моей до 1 января 1891 г.
обезнеченъ. Телеграмма эта заставила меня 3-го апрѣля отправиться
въ Керію, чтобы замкнуть астрономической рейсъ отъ Ніи и при-

¹⁾ Образцы золота мною приобрѣтены.

ступить къ снаряженію для предстоящаго путешествія по Тибету. Къ сожалѣнію, въ Керіи вышли крупныя недоразумѣнія съ китайскою администрациею. Керійскій амбанъ, относившійся все время крайне враждебно къ движенію экспедиціи въ предѣлахъ керійскаго округа, узнавъ о намѣреніи моемъ пройти изъ Полу въ Тибетъ, категорически воспротивился предполагаемому путешествію. Не было гадости и мерзости, которой бы не продѣлалъ этотъ почтенный чиновникъ, начиная съ воспрещенія мѣстнымъ жителямъ что либо продавать намъ и кончая расклейкою на улицахъ возмутительныхъ инсинацій на китайскомъ и татарскомъ языкахъ (одинъ изъ такихъ документовъ за подписью и печатью амбана, мною добытъ и будетъ представленъ своевременно). Я дѣлалъ видъ, что не замѣчаю враждебныхъ къ намъ отношеній, одарилъ чѣмъ могъ не только амбана, но и всѣхъ его приближенныхъ до послѣдняго бека и переводчика включительно, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельно снаряжался въ дорогу. Отношенія наши однако настолько обострились, что, опасаясь открытаго нападенія среди скученныхъ домовъ и узкихъ улицъ города, я перекочевалъ за городъ чтобы имѣть возможность прибѣгнуть къ самозащитѣ. Въ это время мною получено извѣстіе изъ Полу, что керійскій амбанъ, пользуясь моимъ пребываніемъ въ Керіи, отправилъ въ Полу чиновника, который заставилъ мѣстное населеніе сломать всѣ мосты и балконы по дорогѣ въ Тибетъ, вслѣдствіе чего сообщеніе по р. Курабу прекратилось. Опасаясь за участъ вѣщей оставленныхъ въ Полу, я поспѣшилъ сюда обратно, принялъ всѣ зависящія и возможныя мѣры для возстановленія разрушенного пути и обо всемъ сообщилъ консулу. Конечно лучше всего было бы двинуться немедленно, въ путь но весна нынѣшняго года наступила необыкновенно поздно. Въ Полу ежедневно выпадаетъ снѣгъ, температура рѣдко подымается выше $+2$, $+5^{\circ}$ С., а посланные на тибетское плато люди вернулись съ извѣщеніемъ, что тамъ оттепель еще не начиналась и воды для лошадей нѣтъ. Такимъ образомъ, раньше первыхъ чиселъ мая выступить врядъ ли удастся.

По послѣднимъ извѣстіямъ, капитанъ Громбчевскій выступилъ изъ Полу, по дорогѣ въ Тибетъ, въ ночь съ 4 на 5 мая.
